

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Социальный Республиканизм и Анархизм

(совпадения и различия)

Эррико Малатеста

7 апреля 1922

Эррико Малатеста
Социальный Республиканизм и Анархизм
(совпадения и различия)
7 апреля 1922

Umanità Nova, год 3-й, №83
Статья на самом деле принадлежит республиканцу
Ансальди, Малатеста же просто отвечает ему вне статьи -
его текст как бы является "редакционной заметкой".

ru.anarchistlibraries.net

Эррико Малатеста, – хотя и радуясь формированию революционной психологии, которая сегодня больше, чем вчера, объединяет в общем чувстве симпатии молодое республиканское течение с некоторыми анархистами, – пытается объяснить это явление, более того, приглашает меня содействовать его объяснению.

Так получается, что психологическое положение, по-видимому, необдуманное настроение должно быть подвергнуто критике и оценено по мерке рассуждения и критического исследования. Что, впрочем, возможно, при условии, что в рассуждении мы следуем позитивному методу и опыту.

Подобную дискуссию я некогда, что уже кажется далёким, вёл с Пьетро Гори; скажу лучше, это был своего рода обычный спор, когда мы задерживались на волнистых на-

бережных тихой Пизы и спрашивали себя: «В чём причина этой дружбы республиканцев и анархистов, дружбы, в силу которой психология одних и других совпадает и ищет и находит точки взаимного дополнения?»

Но тогда ответ – который должен был бы быть трудным объяснением «причины вещей», как профессор Пизанского атенеума определял тогда или не определял предмет философии, – не получался определённым и окончательным: в трогательном идеализме и в человеческой и натуралистической поэзии Гори проблема смешивалась и исчезала в созвучиях и гармониях, нежных, как далёкая арфа.

Малатеста, который, впрочем, исходит из идеализма, всего его пронизывающего, имеет склонности реализатора и рассуждающего конкретно и остро, а также полемического, которые побуждают его хотеть рассечь всякий феномен, разглядеть в каждой неопределённости, проникнуть за поверхность вещей.

В его позиции есть и уважение, и критика республиканства, благожелательность, которая не является самоцелью и только «настроением», но решительная, побуждаемая также к прояснению ситуаций и, возможно, недоразумений.

Первое общее объяснение этого явления, скажу, симпатии, дал сам Малатеста, когда вместе со своими пылкими друзьями, с жестом, по-видимому, необдуманном и чувственным, но сделанным из инстинктивной логики, пережитого опыта и глубоких интуиций, последовал за мадзинистской процессией вместе с республиканским народом. Он видел в Мадзини преследуемого монархией, поборника человечности, ради которого Ориани писал, что Мадзини охотно забыл Италию, апостола, жаждущего справедливости и свободы, верующего в закон прогресса, по которому человечество и индивид однажды обретут

освобождение от всякой неволи и принуждения, которые сейчас их угнетают и повергают.

В этих обширных и общих идеях, которые не хотят быть ни литературной метафизикой, ни абстрактными схемами пройденных буржуазных революций, в этом колыпании великих социальных и современно-революционных идеалов (которые Роберто Ардиго, хотя и привычный к позитивному методу, рассматривал как самые действительные психосоциальные силы на службе всякого движения цивилизации) – причина совпадений, которые, хотя под первым критическим, но суммарным углом зрения могут показаться странными или даже абсурдными. К этим идеалистическим причинам нужно добавить причины, которые не могут быть сформулированы и обоснованы строго рациональной логикой: причины, не скажу чувственные, но скорее психологические, которые входят в революционную психологию, могущую объединять людей, которые воплощают свою веру в разных системах и категориях, но которые актуально живут одной и той же ниспровергающей и обновляющей страстью.

Когда республиканцы прибегают к новой формуле «социальная республика», они намерены именно утвердить свой революционный волюнтаризм.

Но Эррико Малатеста хочет, чтобы социальный республиканизм был больше, чем расплывчатой формулой, чем революционным романтизмом, чем идеализмом, который, будучи широким, может граничить с формой интеллектуального и неуловимого анархизма. И его претензия не нелогична. Теперь республиканизм в своём самом новом и новаторском аспекте и движении стремится именно к этому: доказать свою доктринальную и идейную закалку в сопоставлении с величайшими и неотложными социальными проблемами; определить своё понятие революции, найти свою устойчивую форму, подходящую новому на-

правлению, которое он более энергично принял с формулой «социальная республика»; формулой, которая, между тем, намерена быть актом воли и выражением решительного курса.

Я полностью согласен с Малатестой, что если бы республика должна была быть простой формулой правления, не стоило бы мучить себя этой республиканской страстью и совершать усилие для осуществления симулякра революции. Когда завтра осуществилась бы такая псевдореспублика, мы были бы и против неё, против социальной лжи, более всего способной сбить с пути или замедлить движение к единой человеческой справедливости и свободе, к которым стремится социальное республиканское движение. Это движение преодолело понятие республики как «буржуазного института»; принимает также, не идеализируя его, метод классовой борьбы, противостоит концепциям *государства* на основе диктатур любого рода, а также на основе сегодняшнего парламентаризма, чтобы принять вместо этого концепцию синдикалистской социологической структуры.

Но является ли такое социально-республиканское движение всё же государственным движением, то есть тенденцией к режиму ограничения индивидуальной и человеческой свободы?

Так, кажется, спрашивает нас Малатеста, с предчувствием, что у него есть скорый и окончательный ответ.

Теперь, хотя наш позитивный метод не позволяет нам предварительных и абстрактных формулировок, которые противоречили бы тому критерию относительности, сегодня признанному собственно феноменологией и познанием, я замечая, что республиканская доктрина в её сегодняшней тенденции вновь обрести психосоциальные индивидуальности и органические образования, казавшиеся преодолёнными, как региональная (или общинная)

А что говорят молодые республиканцы?

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА.

нии с населением. Мы поспешили бы уничтожить банки, документы собственности и всё, что представляет и гарантирует могущество государства и капиталистическую привилегию; и постарались бы создать такое положение вещей, которое сделало бы невозможным восстановление буржуазного общества.

И всё это, и остальное, необходимое для удовлетворения нужд общества и развития революции, делалось бы трудом людей доброй воли, комитетов всякого рода, местных, межобщинных, региональных, национальных конгрессов, которые обеспечивали бы координацию общественной жизни, принимая необходимые соглашения, советуя и осуществляя то, что сочли бы полезным, но не имея никакого права и никаких средств навязывать свою волю силой и полагаясь только на поддержку, которую найдут в оказываемых услугах и в нуждах ситуации, признаваемых заинтересованными лицами.

Прежде всего – никаких жандармов, под каким бы именем они ни выступали. А вместо этого создание добровольных ополчений, – без всякого вмешательства, поскольку они ополчения, в гражданскую жизнь, – и только для того, чтобы противостоять возможным вооружённым попыткам реакции вернуться к власти, или нападениям извне – со стороны стран, в которых еще не началась революция.

Таковы два метода, представленные в их крайностях.

Конечно, на практике потребуются некоторые коррективы к нашему методу, поскольку анархисты не составляют всё население и не хотели бы, даже если бы могли, навязывать силой свои концепции. Но во всяком случае, уважая волю других и стараясь договориться с другими о мирном сосуществовании, анархисты требовали бы полной свободы пропаганды и экспериментов. Пусть другие делают что хотят, мы во всяком случае не хотели бы быть ни эксплуатируемыми, ни управляемыми.

автономия и так далее, демонстрирует свою решительную позицию в направлении освобождения от государственного угнетения; что больше, чем проблема бюрократической децентрализации, но есть проблема свободы, то есть тенденция освободиться от угнетения государственным принуждением, которое не есть минимум «оправдываемого» или объяснимого в данный момент человеческих отношений «государства», но есть прямо-таки искусственное создание биосоциального или классового организма, который намерен угнетать определённые классы и индивидов.

Идеалистическая, но не мистическая тенденция республиканской доктрины выходит за границы в анархизм, на который Бовио смотрел как на совершенный республиканизм. Именно благодаря этой тенденции наш социальный республиканизм, почти подготовка к анархизму, заставляет нас стремиться к лучшему и освобождённому человечеству, которое жило бы и действовало по этическому импульсу, вне всякого юридического насилия.

Закон прогресса, указанный Джузеппе Мадзини, даёт нам также эту веру: от которой, между тем, исходят лучи, освещающие нашу мысль и дающие направление нашему действию.

Карло Франческо Ансальди.

Излишне говорить, с каким интересом и какой симпатией я наблюдаю за настроением Ансальди и его молодых друзей. Они, очевидно, воодушевлены величайшим желанием справедливости и свободы, и, учитывая широту взглядов, с которой они подходят к вопросу, ясно, что разногласию между нами и ними предназначено ослабеть вплоть до угасания.

Впрочем, республиканцы могут найти в своих собственных традициях и в доктринах своих великих людей те основополагающие принципы, из которых мы исходили. У Каттанео и Феррари, например, есть путь к наиболее радикальному решению, которое анархисты дают проблеме.

Но, – чтобы дискуссия не затерялась в философских абстракциях и можно было скорее установить, каковы те пункты, которые нас объединяют и те, которые нас разделяют как людей и партии действия, – пусть мне будет позволено перенести, или вернуть, вопрос на практическую почву

Предположим ситуацию, которая будет отправной точкой нашей созидательной деятельности и которая рано или поздно должна всё же произойти: предположим, монархия пала. Армия братается с народом или, во всяком случае, прекратила сопротивление, полиция обращена в бегство, власти, включая короля, бежали или иным способом отрелись от своей власти.

Здесь не нужно обсуждать, как может начаться и развиваться движение; или прямым нападением на вооружённые силы государства, или посредством взятия рабочими во владение фабрик и так далее, что привело бы к вооружённому конфликту на втором этапе.

Правительство пало! Что делать?

Метод классических республиканцев был бы таков: создать в столице временное правительство, которое созвало бы избирателей для назначения Учредительного собрания. Между тем новое правительство, которое взяло бы на себя охрану *общественного порядка*, ожидая нового социального устройства, которое должно быть установлено избираемым Учредительным собранием, правило бы более или менее по законам, предшествовавшим восстанию, реорганизовало бы армию, реформировало бы вооружённые полицейские корпуса и, хотя и меняя персонал высших

государственных должностей, постаралось бы сохранить на ногах весь организм государства.

Затем пришло бы Учредительное собрание, – избранное массами, мало затронутыми антимонархическим движением и не получившим от него никакой пользы, – и начало бы работу, которую всегда делали парламентские собрания, то есть укреплять привилегии и разрушать, под предлогом их узаконения, те завоевания, которые в момент восстания часть народа успела бы сделать.

Таков метод, которого придерживались во всех республиканских движениях, и чего он стоит – доказано буржуазными, клерикальными, плутократическими республиками, которые из него получились.

Наш метод был бы иным.

После того как монархические власти низвергнуты, полицейские корпуса уничтожены, армия распущена, мы не признали бы никакого нового правительства, тем более если бы это было центральное правительство, претендующее руководить и подчинять своему порядку движение. Мы побуждали бы рабочих к полному вступлению во владение землёй, фабриками, железными дорогами, кораблями – словом, всеми средствами производства, к немедленной организации нового производства, навсегда оставляя бесполезные и вредные работы и временно – работы роскоши, сосредоточивая максимум сил на производстве продуктов питания и других предметов первой необходимости. Мы побуждали бы к сбору и экономии всех существующих продуктов и к организации местного потребления и обмена между близкими и далёкими местностями сообразно требованиям справедливости и нуждам и возможностям момента. Мы заботились бы о том, чтобы занятие пустых или малозаселённых домов происходило так, чтобы никто не остался без жилья и каждый получил жильё, соответствующее имеющимся в наличии помещениям в соотноше-